

*Н.П. Таньшина**

**МИШЕЛЬ ВОВЕЛЬ (1933-2018).
ДОН КИХОТ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Автор статьи предлагает вниманию читателей анализ книги недавно ушедшего из жизни известного французского историка-марксиста, классика французской историографии Мишеля Вовеля «Битва за двухсотлетие Французской революции». В статье рассматривается взгляд М. Вовеля на основные этапы празднования 200-летнего юбилея Революции во Франции и во всем мире. Автор отмечает, что анализируемая работа — это и книга по историографии Французской революции, и одновременно мемуары, глубоко личный взгляд на эпопею коммемораций Революции.

Ключевые слова: М. Вовель, Французская революция, коммеморация, историография, Ф. Фюре, Институт Истории Французской революции

DOI 10.32608/0235-4349-2019-1-52-386-398

6 октября 2018 г. в возрасте 85 лет ушел из жизни видный французский историк Мишель Вовель. Последний из Могикан, как он сам себя называл, последний великий историк Французской революции. Эпоха гигантов закончилась...

За год до смерти М. Вовель опубликовал работу, посвященную эпопее празднования 200-летнего юбилея Французской революции¹. А накануне своей кончины он издал воспоминания², ровно половину которых опять же заняли его размышления об этом юбилее и о месте Революции в исторической памяти французов. Пусть же мой очерк, посвященный первой из этих книг, станет данью памяти великому ученому.

** Наталья Петровна Таньшина, доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории Института общественных наук РАНХиГС; ведущий научный сотрудник лаборатории Западноевропейских и средиземноморских исторических исследований исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук.*

Исследование осуществлено по гранту Правительства Российской Федерации в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013 – 2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

¹ *Vovelle M. La bataille du Bicentenaire de la Révolution française. P., 2017. Далее ссылки на это издание даются в тексте очерка.*

² *Vovelle M. Mémoires vives ou perdues. Essai sur l' Histoire et le souvenir. P., 2018.*

Имя Мишеля Вовеля неразрывно связано с Французской революцией. По его собственным словам, она была для него «центральной темой исследований», а сам он до конца своих дней оставался «верен обязательствам, взятым на себя участниками бесконечной борьбы за дело памяти великой Революции»³. Более того, для Вовеля, как и для многих французов, память о Революции – это память родовая. В своих воспоминаниях он приводит семейную легенду о том, как некая мадам Мантанс, которую называли «маман Гортензия», отправилась пешком в Россию, чтобы добиться у царя освобождения своего мужа, военнослужащего Великой армии, застрывшего в нашей стране после печально известной кампании 1812 г.⁴

По словам Вовеля, однажды в 1990-е гг. на коллоквиуме по утопиям в Турине Бронислав Бачко⁵ сказал ему: «Вы знаете, в нашем возрасте всегда заканчивают рассказами о своей жизни». И, действительно, книга Вовеля «Битва за Двухсотлетие Французской революции» – это одновременно и работа по историографии, и воспоминания автора о личном участии в организации юбилея, ставшего событием мирового значения не только в научной, но и в политической жизни. Самому Вовелю в тех юбилейных мероприятиях принадлежала одна из центральных ролей. В течение десяти лет, с 1983 по 1993 гг., он возглавлял Институт истории Французской революции в университете Париж I (далее — ИИФР)⁶ и был координатором всех научных мероприятий, связанных с Двухсотлетием, занимаясь организацией торжеств в национальном и международном масштабе. И вот теперь, тридцать лет спустя, он решил, наконец, рассказать о событиях, связанных с юбилеем Революции, поскольку, как сам замечает, хотя еще и живы многие участники, в историографию пришли в основном уже новые люди.

Во Франции, независимо от текущей политической конъюнктуры, изучению Революции уделялось и уделяется повышенное

³ Ibid. P. 120.

⁴ Ibid. P. 97.

⁵ Подробнее о нем см.: *Бовыкин Д.Ю.* Памяти Бронислава Бачко // ФЕ 2016. М., 2016. С. 413-416.

⁶ ИИФР в Сорбонне был основан еще в 1937 г. Жоржем Лефевром, став продолжением замысла другого выдающегося историка — Альфонса Олара, поскольку именно Олар вместе со своим другом — русским эмигрантом историком-социалистом Борисом Миркиным-Гецевичем создал Центр по изучению истории Французской революции. Институт стал уникальным научным центром, где изучалась эпоха Революции. См.: *Митрофанов А.А.* Взгляд на Революцию из современности: беседа с Пьером Серна // ФЕ 2016. М., 2016. С. 186.

внимание, ведь она считается основополагающим событием для формирования самой идентичности французов, да и всей политической культуры этой страны. По словам Вовеля, Революция – «одно из самых субъективных событий национального наследия, которая, тем не менее, пропитала наши институты, наше общество, наше мировоззрение»⁷. Поэтому подготовке к юбилею и его празднованию придавалось важнейшее политическое значение, что наглядно продемонстрировало особо тесную взаимосвязь между исторической наукой и политикой во Франции, а также ярко выраженную политическую ангажированность французских историков. На данное обстоятельство в свое время обратил внимание один из классиков «критической» историографии Революции и постоянный оппонент Вовеля Франсуа Фюре, работы которого во многом и спровоцировали широкую общественную дискуссию вокруг Революции в предшествовавшие юбилею годы. В самом начале своей книги «Размышляя о Французской революции», он подчеркивал, что писать о Революции — это совсем не то же самое, что писать о Меровингах или Столетней войне: «Историк должен заявить о своих политических пристрастиях. Он должен сообщить, с каких позиций выступает, что думает, что исследует. Занимает ли он точку зрения роялистскую, либеральную или якобинскую»⁸. И в этом вопросе Вовель оказался полностью солидарен со своим вечным антагонистом.

Описывая историю празднования юбилея Революции, Вовель, возможно, в какой-то степени драматизирует события, однако лично для него они, действительно, были сопряжены с глубокими душевными переживаниями. Революция для Вовеля словно родное дитя, и он полностью согласен с «отцом Оларом», считавшим: чтобы понять Французскую революцию, ее надо полюбить⁹.

Как рассказывает Вовель, предложенный им проект празднований получил поддержку на самом высоком уровне – со стороны президента Пятой республики Ф. Миттерана. Однако немедленно на сцене, по законам драмы, появились враги в лице правых сил, солидарных с Ф. Фюре. Впрочем, дело было не только в разных историографических «прочтениях» Революции. С приближением юбилея во Франции развернулась острая политическая полемика, которую в значительной степени стимулировали происходившие тогда

⁷ *Vovelle M. Mémoires... P. 95.*

⁸ *Furet F. Penser la Révolution française. P., 1985. P. 13.*

⁹ *Vovelle M. Mémoires... P. 101.*

в мире эпохальные процессы. Вовель считал, что именно потрясения 1989–1990 гг., а именно события на площади Тяньаньмэнь, падение Берлинской стены и в целом крах социалистического лагеря кардинально повлияли на историографию Революции, вызвав массовый отход от ее «классической» интерпретации бывших марксистских историков: «Во всем мире я наблюдал паническое бегство партнеров по социалистическому лагерю. Оно было объявлено с начала 1989 г. Эхо Тяньаньмэня отозвалось в Париже» (Р. 131).

В результате, по словам Вовеля, едва ли не вся программа Двухсотлетия оказалась под угрозой. Франсуа Рейнайер выпустил тогда работу под названием «1789-й год разделяет левых». В Национальном собрании Лоран Фабиус организовал обсуждение, принять участие в котором пригласили и Вовеля, и Фюре. На этом заседании Марсель Гоше, друг и протезе Фюре, заявил: «Социалисты несут историческую ответственность за то, что передали дело коммеморации в руки коммунистов... Нам угрожает ужасное Двухсотлетие». «Ужас», по мнению Гоше, состоял в том, что заниматься юбилеем доверили сторонникам «левой политической традиции, этой узницы марксистского дискурса с ее деревянным официальным языком». Выступили с критикой и правые, которые, признавал Вовель, воспользовались слабостью догматической левой с ее призывами «минимизировать Вандею и сентябрьские убийства». Правые потребовали реабилитировать Старый порядок. Критикуемый со всех сторон Вовель уже готов был, по его собственному признанию, иронично поинтересоваться у сидевшего рядом коллеги: «Надеюсь, мой запах вас не раздражает?» (Р. 80).

В 1990 г. бурная полемика развернулась вокруг статьи французского социолога Эдгара Морена, опубликованной в июне того же года в *Le Monde* под названием: «Демифицировать и ремифицировать Французскую революцию». Автор призывал к тому, чтобы реабилитировать Французскую революцию как «революцию свободы», и противопоставлял ее Октябрьской революции, отвергаемой им как «революцию равенства». Сожалея о «некоторых чертах Французской революции», а именно о сопутствовавшей ей жестокости, переросшей в Террор (Р. 162), Морен считал необходимым не только «демифицировать» Революцию, то есть отказаться от ее традиционной интерпретации, но и «ремифицировать» ее по-новому, а именно – вернуть ей позитивный имидж, избавленный от крайностей Террора (Р. 131).

Вовель не мог согласиться с таким подходом, поскольку вся система ценностей Третьей, Четвертой и Пятой республик восходила к Французской революции в ее республиканском («классическом») прочтении. Ставить под сомнение эту освященную временем и левой традицией картину событий было для него неприемлемо. По мнению Вовеля, Морен представил революционные потрясения всего лишь неким «завихрением, в итоге приведшим к Термидору». Вовель считал невозможным отказаться от социальной интерпретации революционных событий конца XVIII в., подчеркивая свою верность подходу, при котором «научная требовательность и идеологические обязательства нераздельны и необходимы для понимания того, что означает сегодня термин “Революция”» (Р. 162-163). Это, как видим, еще одно открытое признание им идеологической обусловленности позиции историка Революции.

Однако перемены было невозможно остановить. Размывание устоев «классической» историографии неуклонно продолжалось. В августе 1990 г. на XVII Международном конгрессе исторических наук в Мадриде одной из главных тем стала следующая: «Революции и реформы: их влияние на историю общества». Вовелю пришлось не по душе уже сама постановка вопроса, предполагавшая искусственное, на его взгляд, сочетание двух принципиально разных понятий (Р. 201). Работу конгресса он сравнивал с «ночью чудес» 4 августа 1789 г. По его словам, если западные участники форума говорили о мифе революции, то представители советской делегации настаивали на том, что революция все же может иметь место, но в виде реформы. В целом, делегатов из СССР и стран соцлагеря Вовель воспринимал со скепсисом, как перебежчиков: «Когда к трибуне в ходе свободной дискуссии подходили поляки, чехи, венгры, а также русские и китайцы, они производили впечатление “стыдливых революционеров” или “стыдливых материалистов”». На конгрессе, по мнению Вовеля, «превалировала моральная или этическая фразеология, а также восхваление реформистского пути развития как средства политической стабилизации» (Р. 162). Всё это посеяло у него серьезные сомнения относительно перспектив изучения Французской революции: «Должен ли рассматриваться конгресс в Мадриде как увертюра или как финал?» (Р. 132).

Вовель надеялся, что юбилейные торжества продлятся десять лет, ведь Революция, как обычно считается в историографии,

закончилась лишь в 1799 г. В выпуске *L'Humanité* от 10 апреля 1992 г. он призвал общественность мобилизоваться не только для празднования событий 20 сентября – двухсотлетней годовщины провозглашения в 1792 г. Первой республики, но и 10 августа – юбилея восстания, покончившего с монархией. Однако в эти планы вновь вмешалась политика: правые в лице Национального фронта запланировали на 15 августа манифестацию в память о жертвах Революции. Поддержка юбилейных мероприятий со стороны правительства, с грустью констатировал Вовель, была весьма умеренной: состоялась лишь торжественная церемония в Тюильри 21 сентября 1992 г. и была открыта выставка в Национальном архиве. Только ИИФР провел международный коллоквиум на тему «Республика и Революция, французское исключение из правил», который прошел без уже тяжело больного президента Миттерана. По воспоминаниям Вовеля, премьер-министр Пьер Березовуа произнес торжественную речь, после чего в растерянности спросил его: «А что делать дальше?». В итоге запели Марсельезу! (Р. 129). Материалы же коллоквиума удалось опубликовать не без труда, отмечает Вовель.

Коммеморативного бума 1989 г. оказалось достаточно, чтобы мировая общественность по горло пресытилась революционной проблематикой. Почему так случилось? Во многом это стало следствием глобальных перемен, происходивших в мире, а именно событий 1989–1990 гг. и все более ускорявшегося распада системы социализма.

Что касается сугубо научных споров, то они продолжались и впредь, прежде всего между историками «критического» направления и сторонниками «классической» школы. Вовель утверждал, что какое-то время еще верил в возможность мирного сосуществования: вместе с Фюре они выпустили «Атлас Революции», вместе выступали на «круглых столах» в Риме и Амстердаме, каждый со своей точкой зрения. Так продолжалось до того момента, пока Вовель не раскритиковал книгу Фюре о Революции, что и повлекло за собой острую полемику между ними. «Фюре переходит в атаку», – именно так называется один из подразделов книги Вовеля (Р. 95). Когда Вовеля наградили Орденом Почетного легиона, по его словам, президент Франсуа Миттеран сказал ему: «Я благодарю вас за то, что вы сделали для Двухсотлетия... без вас мы везде имели бы этих Фюре...» (Р. 128). Впрочем, в конце жизни Вовель

весьма скептически относился к перспективам дорогой ему «классической» историографии: «Я не слишком оптимистично настроен относительно якобинской или классической историографии, пораженной конъюнктурными влияниями». По его словам, «во Франции, как и в США, после июля 1989 года время Революции истекло» (Р. 163).

В январе 1996 г. ушел из жизни Ф. Миттеран. Для Вовеля его смерть стала своеобразным водоразделом в праздновании Двухсотлетия, поскольку за ней последовал спад юбилейных мероприятий, которые, хотя полностью и не прекратились, но продолжались уже во многом по инерции. А в 1997 г. скоропостижно скончался и Фюре, чья полемика с Вовелем о Революции весьма оживляла юбилейный ландшафт, привлекая широкое общественное внимание.

Спад интереса к революционной проблематике проявился и в реструктуризации научных организаций, занимавшихся ее изучением. Эти перемены Вовель оценивал крайне неодобрительно. Прежде всего была реорганизована Комиссия Жореса¹⁰, имевшая ранее привилегированный статус в структуре французского Комитета научных и исторических работ, что обеспечивало ей большую степень самостоятельности в исследовательских программах и публикациях (Р. 51). В конце 1990 г. комиссия Жореса вошла в состав секции Новой истории и революций Комитета научных и исторических работ, утратив былую самостоятельность. Вовель определил это событие как «насильственный брак» (Р. 201). После же 1993 г. Комиссия Жореса даже в таком, усеченном виде существовала на протяжении нескольких лет под угрозой окончательной ликвидации. Ее час пробил в 2000 г. И хотя Вовель энергично выступил в защиту Комиссии Жореса, протестуя против попытки «подвергнуть ее эвтаназии за два года до ее 100-летия», ему удалось заручиться поддержкой лишь двух левых министров, один из которых был социалистом. Из газет только *L'Humanité* отозвалась на происходящее, а из политиков только генеральный секретарь Социалистической партии Франсуа Оланд выразил поддержку письмом, на чем, впрочем, дело и закончилось. Битва за Комиссию Жореса была проиграна, и ту, по выражению Вовеля, подвергли «смертной казни» (Р. 174).

¹⁰ В 1903 г. по инициативе Ж. Жореса была создана Комиссия экономической истории, много позднее получившая название по имени своего основателя.

Негативные перемены затронули также отношения между ИИФР и Обществом робеспьеристских исследований (ОРИ). Ранее эти институции являли собой две главных твердыни «классической» историографии Революции. Теперь же между ними, по выражению Вовеля, произошел «развод», затронувший также и печатный орган ОРИ, журнал *Annales historiques de la Révolution française*. Во времена бесспорного лидерства А. Соболя, а затем М. Вовеля, в профессиональной корпорации представителей «классического» направления историографии директор ИИФР возглавлял и АНRF, а также входил в руководство ОРИ. После того, как Вовель в 1993 г. покинул пост директора ИИФР, он попытался сохранить влияние на эту структуру, добившись назначения новым директором своей протееже Катрин Дюпра, которая, однако, не пользовалась авторитетом среди коллег. О совмещении постов руководителей ИИФР и АНRF больше не могло быть и речи. Если процедура назначения директора носила сугубо бюрократический, закрытый характер, то главного редактора АНRF члены ОРИ выбирали тайным голосованием, и у Дюпра, крайне непопулярной среди коллег, не было ни малейшего шанса выиграть эти выборы. Более того, в результате развернувшейся в ОРИ острой внутренней борьбы покинуть должность главного редактора АНRF пришлось и самому Вовелю, хотя он остался, наряду с Сюрато, Мазориком и Берто, одним из сопредседателей ОРИ.

Говоря об прогрессирующей утрате историками «классического» направления своих позиций, Вовель, на мой субъективный взгляд наблюдателя со стороны, придавал излишне большое значение институциональным проблемам, уходя от обсуждения концептуальных вопросов. Он не допускал и мысли о признании и коррекции тех слабостей «классической» интерпретации, на которые указывали ее критики. Констатируя, что «классическая» трактовка Революции не нашла сколько-нибудь широкой поддержки у нового поколения историков, он видел причину этого лишь в том, что ИИФР утратил былые авторитет и ауру притягательности: «Надо признать, что Институт Революции в Сорбонне сегодня является только одной из, скорее символических, нежели реальных опор присутствия Революции в культуре, памяти и институтах современной Франции. Его нужно защищать» (Р. 202). Правда, упадок ИИФР Вовель связывал не с периодом директорства своей преемницы мадам Дюпра, а со временем назначения вместо нее в

2000 г. директором Института Жан-Клемана Мартена, крупного специалиста по истории Революции и Вандеи.

Назначение Мартена, который открыто отмежевывался от марксизма, Вовель рассматривал «как логичное отражение историографического, университетского и политического климата» (Р. 183), иными словами, считал это решение не научным, а политическим. Когда Мартен, возглавлявший Институт до 2008 г., предложил создать общественный Фонд Революции, наподобие Фонда Наполеона, который давно и успешно действует под руководством Тьерри Ленца, Вовель высказался об этой идее негативно, вероятно, видя в подобных новшествах угрозу дальнейшей эрозии институциональной структуры «классических» исследований о Революции.

Не спасало положение и то, что ранее Вовель подготовил многочисленных учеников, которых сам гордо именовал «вовелевским поколением». Часть их в конце 1990-х гг. успешно инкорпорировалась в интеллектуальное поле Франции, занимаясь изучением Революции в Лилле, Руане, Тулузе, Дижоне, Экс-ан-Провансе и Авиньоне. В 2008 г. директором ИИФР стал один из них – Пьер Серна. Однако и ему, по признанию Вовеля, не удалось изменить ситуацию. 1 января 2016 г. ИИФР и вовсе прекратил свое существование, будучи влит в другое структурное подразделение университета Париж I — Институт Новой и Новейшей истории. История ведущего на протяжении 80-ти лет центра мировой историографии Французской революции закончилась (Р. 203).

Возвращаясь к «битве за Двухсотлетие», которую Вовель считал главным событием своей научной карьеры, отметим также его огромный вклад в то, что сегодня называют «научной дипломатией». В 1989 г. он объехал всю планету, приняв участие более чем в пятидесяти конференциях в разных странах мира – примерно по одной в неделю. Всего же с 1982 по 1996 гг. он, по собственным подсчетам, побывал в 152 местах, в среднем совершая по 10 поездок за год (Р. 183). За тот же срок он участвовал в 550 коллоквиумах – и это еще неполная цифра. Половина – во Франции, половина – за рубежом (Р. 91).

Для российских исследователей особый интерес представляют воспоминания Мишеля Вовеля о поездках в Россию и встречах с русскими коллегами. Впервые он посетил Советский Союз в октябре 1982 г. По его словам, визит выдался для него непростым: да-

же будучи коммунистом, Вовель опасался ехать за «железный занавес» (Р. 223). В тот момент он знал советских историков лишь по их работам, хотя и слышал о ранее существовавших у них тесных связях с А. Матъезом, Ж. Лефевром и А. Собулем. О научной жизни в СССР он также имел лишь самое приблизительное представление. Так, проецируя французскую ситуацию на советские реалии, он ошибочно полагал, что историки в университетах пользовались гораздо большей свободой творчества, нежели в Академии наук. Соответственно, в индивидуальном порядке Вовель предпочитал встречаться прежде всего с университетскими коллегами. Первыми из них были В.П. Смирнов и Л.А. Пименова. Вовелю запомнилось, что его повели в ресторан, где на столе появилась, конечно же, бутылка русской водки. Правда, «сообразить на троих» не удалось, поскольку Людмила Александровна – «Мила», как ее ласково называет Вовель – от участия уклонилась (Р. 224).

На следующий день в Академии наук состоялась встреча с Виктором Моисеевичем Далиным, в описании Вовеля, «маленьким, старым, усталым... но достойным человеком, носящим все свои ордена». Далин обратился к Вовелю, по словам последнего, на «более, чем совершенном французском, с почти немодной элегантностью» и подарил ему свою автобиографию на французском языке (Р. 224). Потом в МГУ состоялась встреча с А.В. Адо, «усталым и больным, но продолжавшим находиться на посту, руководя своими учениками». В дальнейшем, по словам Вовеля, он очень помог Анатолию Васильевичу в издании его книги на французском языке в 1995 г. Вовель написал для нее предисловие, но в конце концов, судя по тому, что счел нужным сказать об этом в воспоминаниях, остался обижен тем, что Адо якобы не упомянул в книге о заслугах Вовеля в деле ее публикации (Р. 225). Справедливости ради от себя замечу, что в предисловии к французскому изданию Анатолий Васильевич как раз таки поблагодарил Вовеля за оказанную помощь.

Первое пребывание Вовеля в Москве не ограничилось только этим неформальным общением. Повидался он и с представителями Академии А.Л. Нарочницким и Г.С. Кучеренко, которые отвечали за программу научных мероприятий в честь 200-летнего юбилея Французской революции. Поэтому уезжал Вовель из Москвы с «кучей подарков», среди которых, по его словам, была «не только бутылка водки на дорожку», но нечто более серьез-

ное, а именно – график юбилейных мероприятий вплоть до 1989 г. (Р. 225-226).

Следующий визит Вовеля в Москву состоялся 17–19 апреля 1989 г. для участия в большой международной конференции «Французская революция и европейская цивилизация». Вовель приехал туда со своими коллегами, Раймоном Юаром и Ги Лемаршаном. Однако тот визит не оставил у него приятных воспоминаний. Перестройка находилась в разгаре. Былого идеологического единomyслия с советскими историками у французских коммунистов уже не было, и выступления первых Вовелю решительно не понравились: «Оттепель перешла в распутицу», – сердито заметил он. Вечером гости посетили Большой театр и послушали «Волшебную флейту». Но и опера не пришлась по душе Вовелю, назвавшему ее «новой версией Террора» (Р. 227-228). Это посещение Москвы оставило у него столь тягостные воспоминания, что следующие семнадцать лет он в Россию не ездил: «Без сомнения, мне там нечего было делать» (Р. 228).

В третий и последний раз Вовель побывал в Москве в 2006 г., когда вместе с Клодом Мазориком участвовал в конференции, посвященной 100-летию выдающегося советского историка А.З. Манфреда. В Институте всеобщей истории академик А.О. Чубарьян, по словам Вовеля, приветствовал его так тепло, будто они расстались только накануне. Однако самого Вовеля и этот визит не тронул: Клод Мазорик, лично знавший Манфреда, вспоминал Вовель, был более впечатлен. Для него же самого это было «всего лишь ностальгическим возвращением к ушедшему прошлому». В постсоветской России ему оказалось неуютно. Не принимая перемены во французской науке, он скептически воспринял изменения и в российской историографии – «“смену вех”, провозглашенную А. Чудиновым» (Р. 229).

* * *

Воспоминания Мишеля Вовеля исполнены глубокой грусти, а его оценки современного состояния исследований по Французской революции, которым он отдал всю свою жизнь, проникнуты крайним пессимизмом. Да он и сам определил содержание своей книги как «ностальгический и пессимистический взгляд на память о Революции» (Р. 200). Тем не менее этот замечательный французский историк, по его собственным словам, «оставался верен своему идеалу» и продолжал бороться за свое видение Рево-

люции до самого последнего вздоха. Дон Кихот Французской революции, он всегда помнил слова своего учителя Эрнста Лабруса: «Не забывают нашей Великой Октябрьской революции». И добавлял уже от себя: «И не забывают *нашей* Великой Революции» (Р. 202). А мы не забудем Мишеля Вовеля...

Список литературы

- Бовыкин Д.Ю.* Памяти Бронислава Бачко // Французский ежегодник 2016: Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи. М.: ИВИ РАН, 2016. С. 413-416. [*Bovykin D.Ju.* Pamjati Bronislava Bachko // Francuzskij ezhegodnik 2016: Protestnyye dvizhenija v jepohu Francuzskoj revoljucii i Pervoj imperii. М.: IVI РАН, 2016. С. 413-416.]
- Митрофанов А.А.* Взгляд на Революцию из современности: беседа с Пьером Серна // Французский ежегодник 2016: Протестные движения в эпоху Французской революции и Первой империи / Под ред. А.В. Чудинова. М.: Наука, 2016. [*Mitrofanov A.A.* Vzglyad na Revolyuciyu iz sovremennosti: beseda s P'erom Serna // Francuzskij ezhegodnik 2016: Protestnyye dvizheniya v ehpoхu Francuzskoj revoljucii i Pervoj imperii / Pod. red. A.V. Chudinova. Moskva: Nauka, 2016].
- Furet F.* Penser la Révolution française. Paris: Gallimard, 1985.
- Vovelle M.* La bataille du Bicentenaire de la Révolution française. Paris: La Découverte, 2017.
- Vovelle M.* Mémoires vives ou perdues. Essai sur l' Histoire et le souvenir. Paris: Les Éditions de Paris Max Chaleil, 2018.

**MICHEL VOVELLE (1933-2018):
DON QUIXOTE OF THE FRENCH REVOLUTION**

In the focus of the article is the analysis of the book of the famous French historian-Marxist, classic of French historiography Michel Vovelle, "The Battle for the Bicentennial of the French Revolution". The article considers the opinion of M. Vovelle on the main stages of the celebration of the 200th anniversary of the Revolution in France and around the world. The author notes that the book of Vovelle is both a book on the historiography of the French Revolution and at the same time a memoir, a deeply personal view of the epic of the commemorations of the French Revolution.

Keywords: M. Vovelle, the French Revolution, the bicentenary of the French Revolution, the historiography of the French Revolution, F. Furet, Institute of the History of the French Revolution

*Natalia Tanshina, Dr Hab. (History),
professor of the Department of General History
of the Institute of Social Sciences,
Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration;
Senior Researcher of the State
academic university for the humanities*